

КРАСНОЕ «КОМСОМОЛЬСКОЕ РОЖДЕСТВО» И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО БЫТА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

© 2015 С.А. Шмелев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара

Поступила в редакцию 15.01.2015

Статья посвящена изучению опыта организации и проведения комсомольского рождества и комсомольской пасхи как главных мероприятий антирелигиозной кампании 1922-1923 гг., направленных на преодоление религиозного быта и формирование новой бытовой культуры. В статье раскрывается руководящая роль РКП(б) и РКСМ как инициаторов кампании, взаимодействие центральных и местных партийных и комсомольских организаций в подготовке комсомольского рождества и комсомольской пасхи, смысл, значение и итоги кампании.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, комсомольское рождество, комсомольская пасха, карнавал, религиозный быт, повседневная жизнь, атеистическая пропаганда.

Окончание Гражданской войны позволило Советской власти перейти в наступление на других фронтах, связанных с переустройством бытовой, повседневной жизни граждан. Важнейшим направлением идеологической борьбы с начала двадцатых годов стал антирелигиозный фронт. В Советской России православная церковь оставалась единственным официальным институтом, сохранившимся от прежнего монархического государства. Большевики вели бескомпромиссную борьбу против церкви всеми доступными им политическими, экономическими и правовыми средствами. Антицерковное законодательство, лишившее церковь права собственности на имущество, которым она владела веками, а также антирелигиозные кампании – 1918-1920 гг. по вскрытию мощей и 1921-1922 гг. по изъятию церковных ценностей – серьезно подорвали материальные основы ее деятельности. Однако, несмотря на жестокие гонения и преследования со стороны власти, церковь сохранила свое влияние на общество, особенно в сфере повседневной, личной жизни граждан. В стране, где большинство населения оставалось неграмотным, основой духовной жизни являлась религия. Храм, мечеть, синагога были не только местом молитвенного общения людей с Богом, но и выполняли функцию организации их повседневной жизни от рождения до смерти. Религиозные обряды сопровождали начало и конец земной жизни человека, давали надежду на утешение в потустороннем мире. Народ шел в церковь крестить детей, венчаться, отпевать умерших, поминать усопших, праздновал Рождество и Пасху.

До начала двадцатых годов борьба против религии велась в основном карательными методами, направленными на ограничение, сужение сферы церковной деятельности. Очередная

*Шмелев Сергей Анатольевич, аспирант кафедры отечественной истории и археологии.
E-mail: sershmel@mail.ru*

антирелигиозная кампания 1922-1923 гг. выражала стремление власти изолировать церковь от общества, вытеснить ее из бытовой сферы, лишить возможности оказывать какое бы то ни было влияние на поведение и сознание людей. Ее особенность заключалась в том, что власть попыталась вовлечь в антирелигиозные выступления широкие массы народа.

Установка на активизацию атеистической пропаганды была дана В.И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», опубликованной в марте 1922 года. В.И. Ленин указывал, что народные массы не смогут выбраться из темноты, невежества и предрассудков лишь с помощью одного «марксистского просвещения»¹. Необходимо было «пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т.д.»².

Антирелигиозная кампания 1922-1923 годов включала в себя целый комплекс мероприятий, направленных на искоренение религии из повседневной, бытовой жизни граждан, пропаганду атеизма, формирование материалистического мировоззрения. Помимо уже испытанных агитационно-пропагандистских методов идеологического воздействия власть применила средства психологического давления, затрагивавшие сферу религиозных чувств, эмоций и личных переживаний людей. На обывателей буквально обрушился поток атеистических лекций, докладов, театрализованных постановок, литературных судов, клубных вечеров с антирелигиозными декламациями, играми, гаданиями, красными колядами и песнями. Но главными мероприятиями этой кампании стали карнавальное шествие, устраиваемые во время празднований «Комсомольского рождества» и «Комсомольской пасхи».

Как возникла идея организации этих мероприятий, кто был инициатором их проведения и почему были избраны именно эти формы атеистической пропаганды?

Как отмечает Н.Б. Лебина: «Долгое время в советской научной литературе полностью отрицался централизованный характер этих мероприятий»⁵. Утверждалось, что комсомольское рождество и комсомольская пасха «не могли быть и не были инспирированы сверху. Они возникли как живое творчество молодежи»⁴. Рассматривая этот вопрос, Н.Б. Лебина пишет: «Согласиться с подобным утверждением трудно»⁵.

Анализ фактов показывает, что антирелигиозная кампания была организована в ходе тесного взаимодействия РКП(б) и РКСМ и проходила под их непосредственным руководством.

Первые сообщения о проведении антирелигиозных демонстраций были получены из Минска и Кременчуга. О них рассказала газета «Правда» в октябре 1922 года. Откликом на эти события стала статья, опубликованная в «Правде» 15 ноября 1922 года, под названием ««Комсомольское рождество» или почему бы нам не справлять религиозные праздники». Ее автором был И. Степанов. Под этим литературным псевдонимом писал известный советский партийный и государственный деятель И.И. Скворцов-Степанов, входивший в состав Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б). Уже этот факт свидетельствует о том, что отклик в «Правде» не был случайным мнением рядового журналиста. Есть все основания полагать, что именно эта публикация в официальной партийной газете сыграла роль пускового механизма антирелигиозной кампании.

Положительно оценивая прошедшие демонстрации, И. Степанов отметил: «Комсомол рискнул применить такие приемы антирелигиозной агитации, которые мы, старики, пожалуй, задушили бы в самом зародыше, если бы комсомольцы неосторожно адресовались к нам за советом»⁶. Признавая рискованность подобного опыта, автор статьи тем не менее высказался за то, чтобы «комсомольцы в ночь на Пасху организовали бы веселый карнавал и с музыкой, песнями пошли бы мимо храмов в то время, когда там начинаются крестные ходы»⁷. В той же статье И.И. Скворцов-Степанов рассказал и о первом совещании в ЦК РКСМ, посвященном обсуждению вопроса об организации «Комсомольского Рождества», в котором он принимал непосредственное участие. На совещании было решено приурочить атеистическую пропаганду к религиозным праздникам с целью отвлечь обывателей и особенно беспартийную молодежь от традиционного посещения церквей. Считалось, что в церковь «ходят для препровождения времени, для того, чтобы развлечься, послушать пение, встретиться с девушками, высмотреть невест (соответственно женихов), ходят как в клуб или кинематограф. А остальное праздничное время убивается совсем уж бессмысленно или прямо отвратительно: карты, орлянка, самогонка – и зеленая тоска от

зеленой бессмыслицы и пустоты»⁸. Вместо этого предлагалось организовать «праздник веселья и знания» в форме карнавала. И. Степанов прямо заявил: «Пора нам перестать сторониться религиозных праздников»⁹. По замыслу организаторов карнавал должен был развенчать евангельский образ Христа, показать, что в нем нет ничего оригинального, что «чудесное рождение бога – от девы или от женщины – празднуется 25 декабря уже три-четыре тысячелетия»¹⁰.

Набросок сценария был дан в общих чертах в самой статье И. Степанова. Предполагалось, что торжественные процессии пройдут по главным улицам городов. На колесницах, а за неимением таковых на широких санях, повезут идолов месопотамской, египетской, буддистской богородиц с новорожденными младенцами: Мардуком, Озирисом, Буддой. Эти языческие изображения должны были показать, что именно по ним создана и христианская богородица. Толпы жрецов – их будут изображать переодетые красноармейцы – продемонстрируют, что даже облачение современных священников заимствовано у язычников. Участники карнавального шествия понесут плакаты, содержащие полезную информацию, например, о том, за сколько тысячелетий до рождества Христова праздновалось рождество вавилонского бога, где и когда состоится лекция об Озирисе, и т.д. Затем мероприятие продолжится в клубах, где участникам прочтут лекции из истории религий. Предлагалось и там выдерживать форму карнавала: «Трибуна в клубах и собраниях должна изображать языческое святилище (алтарь) с надлежащим количеством идолов, жрецов, жриц и т.д. Лектор непременно должен выступать в облачении жреца»¹¹.

Изначально мероприятие планировалось провести по всей стране. Однако у его инициаторов возникли сомнения относительно достаточности ресурсов на его проведение. В протоколе №7 от 5 декабря 1922 года Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) отмечалось: «Принимая во внимание, что проведение Комсомольского Рождества по всей России потребует очень больших затрат – денежных средств, с одной стороны, и неподготовленность к этому местных Комсомольских организаций – с другой, признать желательным на первый раз ограничиться проведением праздника только в Москве и Петрограде»¹².

И все же, несмотря на все сомнения, антирелигиозная кампания была запущена и прошла во многих городах страны. Основой для ее организации на местах, как показывают факты, стал сценарий, изложенный в «Правде». Так, в отчете Самарского Губкома комсомола «Как мы провели комсомольское рождество» прямо указывалось, что основанием «к подготовке и проведению комсомольского рождества послужила статья Степа-

нова в «Правде» от 15.11.1922 года»¹³. Причем из отчета следует, что к его подготовке приступили, не дожидаясь официального распоряжения ЦК РКСМ: «На общегородском собрании 20.11.1922 года, созванном в честь 3-го конгресса К.И.М. объявляется о праздновании комсомольского рождества. На заседании президиума Губкома РКСМ создается комиссия в составе: Котова (заполитпросвет), Войкина (секрет. 3 горрайкома) и Постникова (завагитпропов Губ...) Вместо тов. Постникова работал все время тов. Лобачев, его заместитель. Немного позже получили из ЦК почто-телеграмму о том, чтобы приступить к подготовке комсомольского рождества, а потом протокол комиссии по проведению комсомольского рождества при ЦК РКСМ»¹⁴. Как мы видим, самарские комсомольцы даже опередили циркуляры ЦК РКСМ, поступившие «немного позже». Комсомол правильно понял сигнал партии, данный в «Правде».

Первое заседание комиссии по проведению комсомольского рождества в Самаре состоялось 24 ноября 1922 года в составе Г. Котова и П. Войкина. На заседании прочитали телеграмму ЦК РКСМ, протокол комиссии ЦК по проведению комсомольского рождества и статью И. Степанова, опубликованную в «Правде». Постановили: «В вечерний день Рождества устроить антирелигиозный карнавал, вовлекая в него учащихся парт. и проф. школ, вуз и пр., а также и остальные союзные массы»¹⁵.

О том, какое большое значение придавалось этому мероприятию, говорит тот факт, что «вопрос о комсомольском рождестве три раза обсуждался на заседании президиума Губкома РКП, один раз в комиссии Губоно, один раз в коллегии культотдела ГСПС». Кроме того, обсуждение прошло на собраниях ячеек РКСМ и на партсобраниях городской организации»¹⁶.

Подготовка антирелигиозного праздника велась не только в городе, но и в губернии. «Все полученные материалы из ЦК (за исключением пьес) и заготовленные на месте (за исключением пьес и инсценировок) разосланы были в районы и уезды»¹⁷.

Формирование соответствующего психологического и эмоционального настроения в обществе, необходимого для восприятия необычного праздника, осуществлялось в ходе ряда подготовительных мероприятий. Информационную поддержку оказывала печать. В частности, в газете «Коммуна», было опубликовано пять агитационных статей о комсомольском рождестве и девять пропагандистских статей на антирелигиозные темы. В газете «Голос молодежи» помещено четыре агитационные и две пропагандистские статьи, библиографические указатели о христианстве и Рождестве, хоровая и красная коляда. Десять статей соответствующего содержания опубликовано

в «Крестьянской правде». Выпущена листовка «Комсомольское рождество», а также отпечатано 1300 лозунгов для расклейки по городу. Помимо этого в городе было прочитано пятнадцать лекций и докладов, которые предварительно обсуждались в антирелигиозном кружке агитпропа¹⁸.

Методическую помощь местным организациям в подготовке мероприятия оказывал ЦК РКСМ. Из Москвы были получены следующие материалы: пьесы: «Рождество попа Сергея», «Ночь под Рождество», стихотворения: «Крещение», «Верная примета» Д. Бедного, «Зима» Лелевич, «Молодежь», стихотворения В. Маяковского, «Хоровая» и «Красная коляда»; тезисы для подготовки докладов: «Как рождаются и умирают Боги»; библиографический указатель к тезисам; методические указания к докладу; тезисы доклада о комсомольском рождестве в клубах. Из литературы поступило три брошюры И. Степанова и сборник с песнями, но, как указано в отчете, «из них ничего не использовано»¹⁹.

Кроме того, Губком комсомола своими силами подготовил целый ряд разработок: «Из пьес: а) «Мертвые Боги» – из жизни монгольских буддистов (не использована) авт. П.Н.; б) «Папа Пий IX в раю» инсценировка Г. по П. Лафаргу (сборник «Против бога и капитала»). Стихотворения: а) «Комсомольское рождество» (Данилин); б) «На сожжение» Г.К.; в) «Не проклинай», диспут «Рождение Мессии». Пользовались переложением песен из «Молодой гвардии» на святочные мотивы и применяли их с действительными мотивами»²⁰.

Были также составлены инсценировки для показа во время карнавального шествия: «Инсценировка уличных: «Рождение Будды» – сост. Петровым. Обряд празднования рождения Агни – Лобачев. Песни к Агни из книжки Мольвера. Парад ряженых – Лобачев»²¹.

Для проведения мероприятия планировалось подготовить целый список вещей: двадцать факелов; десять пятиконечных звезд; один жертвенник; одна трибуна; один деревянный крест; модели: попа, раввина, церкви, синагоги, ребенка, гусей, уток, поросят; три грузовых автомобиля (обошлись двумя); два духовых оркестра; фейерверки и ракеты.

7 декабря 1922 года комиссия утвердила смету на проведение комсомольского рождества в сумме пять миллионов рублей. Постановили: «просить через Губком РКП отпустить Губоно по смете средства»²².

Несмотря на ускоренный темп подготовительной работы, полностью завершить подготовку карнавала к 7 января не удалось. С опозданием поступали методические материалы из Москвы. Кроме того, не все комсомольцы выразили желание участвовать в запланированном мероприятии. Как отмечено в протоколе №9 от 9 января 1923 года, на заседании комиссии по проведению

комсомольского рождества был заслушан вопрос об уклонении членов РКСМ от выполнения возложенных на них обязанностей и неаккуратном исполнении поручений, связанных с подготовкой рождества. Было решено просить Губком РКСМ «принять зависящие от него меры к восстановлению дисциплинированности среди членов в вопросах подготовки к «Рождеству»²⁵.

Учитывая недостаточную подготовку, Губком РКП(б) предложил перенести карнавальное шествие на 14 января 1923 года²⁴.

За неделю до его проведения, 6 января, в трех районных клубах Самары прошли вечера встречи комсомольского рождества. В программе были: доклад «Миф о Рождестве», пьесы: «Ночь под Рождество», «Рождество попа Сергея», антирелигиозные декламации, игры и гадания. По мнению организаторов, вечера прошли удачно, при полных аудиториях молодежи, в том числе и беспартийной (этому придавалось особое значение), и продолжались до 6 часов утра. «Настроение было живое, ребята чувствовали себя по-праздничному»²⁵.

13 января, накануне карнавала, на Трубочном заводе был устроен антирелигиозный вечер. Присутствовало до 1000 человек, из них большинство составляли беспартийные, было также много красноармейцев. Вначале, как обычно, был сделан доклад, а затем публике показали пьесы: «Про Христа», «Рождество попа Сергея». Вечер затянулся далеко за полночь и, как говорилось в отчете, прошел успешно. Ожидалось, что так же пройдет и сам карнавал: «Радио и газеты уже принесли известия, как прошло комсомольское рождество в ряде других городов. Прошло оно в Питере, в Москве. И прошли успешно. Карнавалы вытянули на улицу много участников и много просто зевак. Первый пробный камень был заложен; завтра мы его закладываем в Самару»²⁶.

Карнавал начался в 15 часов 14 января на Воскресенской площади. Народ стал собираться заранее. Несмотря на восемнадцатиградусный мороз, собралось около 6000 человек²⁷. Вначале была показана инсценировка «Рождение Будды». Перед ее началом и после нее публике были даны пояснения. Однако ожидаемого «эффекта инсценировка не достигла, потому что, когда появились ряженые поднялась такая давка, шум, что в результате толпа прорвала цепь, подошла к площадке вплотную и для большинства заградила ряженных; голоса слышно было слабо»²⁸.

По окончании инсценировки карнавальное шествие направилось к Соборной площади. В составе праздничной колонны двигались два грузовика. На одном ехали ряженые: поп, ксендз, мулла, раввин, двое ряженных из инсценировки Будды с жертвенником и жертвоприношениями и целый ряд других персонажей. На другом грузовике везли картонные, но «художественно

отделанные» модели церкви, синагоги, попа и раввина. Последние «приплясывали» под аккомпанемент двух духовых оркестров. За ними ехала подвода с ледяными богами. В толпе ряженных шли нэпманы, офицеры, монашки с красными пятиконечными звездами; двадцать человек несли плакаты с различными текстами. Во время движения колонны выкрикивались лозунги, пелись песни. Толпа зевак, заполнившая улицы, двигалась вслед за карнавалом²⁹.

На Соборной площади комсомольцы, обрвав цепь, оттеснили зрителей, чтобы дать возможность ряженным собраться на свободной площадке. Здесь состоялся митинг, на котором выступили двое ораторов.

После митинга ряженные прошли два круга церемониальным маршем под звуки оркестров. А затем поп, мулла, раввин, ксендз и вся компания под «русского» ударились в пляс. «Веселье» продолжалось до 17 часов. «Стало темнеть, зажглись факелы, засветились звезды, и над собором взвились ракеты»³⁰.

С Соборной площади карнавал двинулся по Советской улице в сторону площади Революции «уже при свете факелов и звезд. Фейерверки, ракеты и бомбы то и дело нарушали покой, взвиваясь над процессией и производя выстрелы. На протяжении трех кварталов улица была полна зрителей. У клуба Коммунистов произведена остановка. Несколько приветственных лозунгов – громкое ура заливают улицу. Совсем темно. Слышатся выстрелы бомб и звуки ракет»³¹.

На площади Революции комсомольцы снова организовали цепь, где-то остановили вагоны и приступили к подготовке сожжения моделей церкви, синагоги, попа, раввина, Будды и других персонажей. Поставили фигуры на жертвенник, облили мазутом, и, как указано в отчете организаторов карнавала, «после небольшого объяснительного слова под оркестры и пение сгорели наши модели. Площадь полна. Сожжением закончилось шествие и ряженные разъехались»³². А вечером в двух клубах РКСМ первого и четвертого районов прошли антирелигиозные вечера. Снова читали доклады, ставили пьесы («Папа Пий IX в раю»), слушали декламации, водили хороводы, пели песни и устраивали красные коляды. Праздник продолжался до 4 часов утра. На мероприятия пропускали только беспартийных. По мнению самих организаторов, в целом мероприятие удалось. В отчете говорилось: «Комсомольцы праздником остались довольны; поступало много хороших отзывов от членов РКП. Как судят беспартийные пока не известно. Карнавал вытянул на улицу до 7000 зрителей; на площадях собирались до начала. Настроение было приподнятое, никаких столкновений не было. Вечера прошли с большим подъемом. Намеченная нами программа празднования проведена почти на 100%

(была смята инсценировка по случаю холода, стояли морозы: за 2 дня 25 градусов, за день 23, накануне – 17 и в день празднования около 17-18 градусов)»³⁵.

Однако личное мнение председателя комиссии по организации комсомольского рождества Г. Котова не совпадало с официальным отчетом. В своей записке от 15 января 1923 года он отметил недостаточную организацию мероприятия: «Карнавал многим был не понятен». «Бесполезны постановки инсценировочные». «Мало пели ребята, что объясняется их неподготовленностью. Мало было лозунгов». «Без инициативы подобрана публика для ряженных; для эффекта надо как более инициативную и смышленную публику, которая могла бы и без особых указаний делать то, что можно, уместно и нужно». «Слабо проведена предварительная агитация за самую кампанию и не достаточно антирелигиозная пропаганда, предшествуемая празднику»³⁴.

По тому же сценарию, только менее масштабно, и с теми же недостатками было проведено комсомольское рождество в Ставрополе. 7-8 января 1923 года в городском клубе читали доклады и поставили «спектакль-концерт», а 19 января по улицам города прошел безбожный карнавал. В отчете ставропольских комсомольцев сообщалось: «За два дня до проведения были получены центральные газеты, из которых и удалось почерпнуть, хотя и недостаточный материал по проведению комсомольского карнавала. Ячейка профтехшколы устроила церковь, синагогу и мечеть, которые и были так торжественно сожжены под соответствующую речь товарища, под жалкий вой ряженных попов, мулл и раввинов и настоящих старух-богомолок, и веселое – песни комсомольцев и беспартийной массы молодежи»³⁵.

Ошибки и недочеты Самарский Губком комсомола надеялся исправить, приступая к подготовке комсомольской пасхи. В отчете говорилось: «Но не смотря на ряд недостатков можно сказать, что комсомольское рождество прошло удачно, сдвиг есть, интерес был проявлен. Достаточно. Теперь не надо ослаблять антирелигиозную пропаганду и уже с первых чисел февраля надо готовить «Пасху». Ее то мы проведем как следует»³⁶.

Сценарий комсомольской пасхи не отличался оригинальностью. 7 апреля комсомольцы планировали организовать шествие «вокруг собора и церкви» с факелами и песнями «в момент обряда встречи Христа», а затем провести митинги. 8 апреля в 14 часов должен был состояться карнавал с ряженными, моделями богов, оркестром и пением. Перед собором комсомольцы хотели устроить суд над религией. На Воскресенской площади планировали показать инсценировку воскресения богов, на Ильинской провести массовый митинг и на площади Революции завершить карнавал³⁷.

Однако от этого сценария пришлось отказаться. 13 марта 1923 года Губком комсомола получил директивное письмо ЦК РКСМ, в котором говорилось: «Опыт проведения «Комсомольского рождества» в целом – удачный и успешный, вызвал необходимость придать нашей очередной кампании к пасхе менее поверхностный и более углубленный пропагандистский характер. Это усугубляется тем, что вокруг пасхи накопилось значительно больше традиций и обычаев, очень сложного происхождения, требующих для борьбы с ними больших знаний от комсомольцев. ... Поэтому ЦК категорически запрещает устройство каких бы то ни было уличных демонстраций и карнавалов и предлагает сосредоточить кампанию в стенах клубов и предприятий. Самые дни пасхи должны быть ознаменованы широкими, массовыми клубными вечерами, в которые должна вовлекаться беспартийная рабочая молодежь. Клубных вечеров должно быть два-три с тем, чтобы каждый праздничный день комсомолец и молодой рабочий мог продолжить в своем клубе»³⁸.

Опыт проведения комсомольского рождества был также критически проанализирован и в высшем партийном руководстве. В резолюции XII съезда РКП(б) отмечалось: «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»³⁹.

С учетом сделанных замечаний в сценарий проведения комсомольской пасхи были внесены существенные коррективы.

В «Указаниях к проведению клубного вечера «Комсомольской пасхи»» от 27 марта 1923 года говорилось: «Клубный вечер «Комсомольской пасхи», приуроченный к «Светлому Воскресению», является центральным моментом всей кампании и должен быть особенно тщательно подготовлен. Важно втянуть в подготовку и проведение вечера возможно больше участников. Во всяком случае все клубные кружки (муз., худ., лит. и др.) должны свою работу применить исключительно к пасхальной кампании»⁴⁰.

Клубный формат антирелигиозной кампании планировался и на 1924 год. Никаких шествий и демонстраций уже не предусматривалось.

7 декабря 1923 г. Губком комсомола получил директивное письмо ЦК РКСМ от 24 ноября 1923 года «О проведении «комсомольского рождества», подписанное секретарем П. Смородиным.

В письме указывалось, что «при проведении «Комсомольского рождества» должен быть осуществлен переход к углубленной научной антирелигиозной пропаганде»⁴¹.

Если предыдущие кампании были направлены против влияния духовенства, то теперь комсомольское рождество «должно служить исходным

пунктом для широкого развертывания массовой научно-просветительной работы, направленной к созданию материалистического мировоззрения у рабочей молодежи. В связи с этим «противопоповские методы пропаганды» естественно отходят на задний план»⁴².

В письме особо подчеркивалась недопустимость антирелигиозных демонстраций в форме карнавалов, антирелигиозных шествий, «сожжения богов», а также «какое бы то ни было проведение Комсомольского рождества на улице, вне стен клуба и предприятий»⁴³.

Указания ЦК РКСМ были нацелены на преодоление основных недостатков предыдущей кампании: «отсутствие естественно-научной пропаганды, отвлеченные противопоставления религии и науки». Исходя из поставленных задач определялся основной метод пропаганды – «постановка в клубах молодежи лекций с диапозитивами на следующие темы:

1. Создан ли мир в шесть дней.
2. Откуда произошел человек.
3. Огнем и кровью во имя бога»⁴⁴.

Перед проведением «Комсомольского рождества» рекомендовалось провести разъяснительные беседы на тему: «Долой религиозные праздники». При этом в беседе нужно было «связать вопрос о строительстве нового быта с борьбой против остатков старого быта, противопоставлять последний надвигающейся революционной борьбе и т.д.»⁴⁵.

Аналогичные указания были даны и в письме «О проведении комсомольской пасхи» от 21.03.1924 г., также подписанном секретарем ЦК РКСМ П. Смородиным. В письме говорилось: «Прошлогодняя Всероссийская конференция Союза и Пленум ЦК приняли решение о необходимости перехода в антирелигиозной пропаганде от агитационных выступлений к планомерному, научному антирелигиозному воспитанию»⁴⁶. Антирелигиозная работа должна была вестись постоянно и усиливаться во время Рождества и Пасхи. При этом основной упор делался на бытовую сферу: «При проведении в настоящем году комсомольской пасхи необходимо учесть в первую очередь тот сдвиг в быту и в отношении к религии, который затронул широкую рабочую массу. Этот сдвиг нашел отражение в введении новой обрядности, вместо старой религиозной: октябрины вместо крестин, гражданские похороны, а также проявился во время движения «ленинского призыва» в партию, в которой при обсуждении кандидатур рабочих важное место занимает проверка отношений к религии. В виду этого центр тяжести проведения кампании комсомольской пасхи в этом году должен быть передвинут в сторону пропаганды борьбы с религиозным бытом (семье и т.д.)»⁴⁷. Основная цель кампании состояла в том, чтобы «отвлечь

поголовно всю рабочую молодежь от исполнения религиозных обрядов»⁴⁸. Все антирелигиозные мероприятия должны были проводиться в клубах. В письме специально подчеркивалось: «Проведение антирелигиозных карнавалов является ненужным»⁴⁹. При подготовке мероприятий две темы объявлялись основными: «1) происхождение пасхи и религиозных праздников, 2) старый и новый быт». Соответственно планировалось проведение бесед и чтение докладов по теме: «На борьбу за новый быт»⁵⁰. При обсуждении этой темы следовало «провести с ребятами беседу: как рабочие сейчас относятся к религии, объяснив, почему устойчив религиозный быт, особенно среди женщин, особенно подробно остановиться на том, что говорил Ильич о религии»⁵¹.

Директивные указания ЦК РКСМ были приняты во внимание. Из отчета Бугурусланского укома о проведении комсомольского рождества следует, что все мероприятия ограничились рамками клубов, в которых читались доклады и ставились антирелигиозные пьесы⁵².

Комсомольская пасха уже не вызвала особого интереса. 24 апреля в клубах были организованы вечера с чтением докладов. Но они собрали очень мало беспартийной молодежи. Вечер в клубе, проведенный на следующий день, уже совсем «прошел бледно». Присутствовало всего 150 человек.

Таким образом, уже по истечении первого года проведения кампании пришлось срочно менять тактику атеистической пропаганды. Динамика изменений форм антирелигиозной работы показывает, что карнавальное шествие, как центральное мероприятие комсомольского рождества не оправдало себя с самого начала. Веселый праздник, который должен был вовлечь массы народа, не получился. Простой народ, городские обыватели не поняли и не приняли его. На Пасху карнавал и вовсе запретили. В деревнях его даже не планировали проводить.

Понимая необходимость изменения традиционных форм проведения досуга обывателей, проводивших время либо в церкви, либо в кабаке, власть попыталась заложить новую традицию праздничной культуры, но создала лишь нежизнеспособную химеру. Противоречивость замысла заключалась уже в самом стремлении власти внести в религиозные праздники, освященные вековой традицией, новый смысл и новое содержание, которые были бы полной противоположностью прежнему смыслу и прежнему содержанию. В результате попытка этой подмены превратилась в угрозы, оскорбления чувств верующих, а смех звучал как издевательство. Стремление власти мобилизовать смех на борьбу с религией потерпело провал.

Значение и смысл смеха далеко превосходят его понимание лишь как выражение эмоций человека. «Смеховой мир», по мнению Д.С. Ли-

хачева, охватывает собой любые проявления человеческого бытия. При этом смех может быть как разрушительным, так и созидающим. И эти два начала существуют в нем одновременно. Разрушительное начало проявляется в том, что смех «нарушает существующие в жизни связи и значения», «показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений», смех «оглуляет», «вскрывает», «разоблачает», «обнажает». Созидающее начало, согласно Д.С. Лихачеву, заключается в психотерапевтической функции смеха, в том, что смех «снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит»⁵⁵.

Однако для того, чтобы смех реализовал свои функции, необходимо одно существенное условие, которое не было принято во внимание организаторами антирелигиозных праздников. Проведение безбожного карнавала так, как его понимало партийно-комсомольское руководство, было попыткой инициирования официального, организованного смеха с целью окарикатуривания религий и тем самым их обесмысливания. Ведь, обычно смеются над глупостью, нелепостью, неудачливостью. Задача карнавала состояла в том, чтобы высмеять, показать абсурдность религиозной веры, ложность всех религий, раскрыть неоригинальность христианства, обесценить его сущность, лишить всякого смысла, отвратить от него народ. Но смех не мог получиться. Официально организованный смех превратился в оплевывание, в угрозы и оскорбления. Власти не ставили себе таких задач, прекрасно понимая, что это не даст нужного эффекта, но иного быть не могло.

Выдающийся исследователь карнавальской культуры М.М. Бахтин отмечал, что «карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Он не знает рампы даже в зачаточной форме. Рампа уничтожила бы карнавал. ... Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден»⁵⁴.

Но организованный партийно-комсомольской верхушкой официальный карнавал не мог пройти иначе, как путем разделения участников на исполнителей и пассивных зрителей, которые к тому же ничего не поняли из того, что им показывали. Этот карнавал состоялся потому, что одни приказали его провести, а другие исполнили этот приказ. Народ же стал простым свидетелем его исполнения. В революционной России надо было мобилизовать смех, чтобы победить в классовой борьбе с религией. В Советском государстве карнавал мог быть только классовым, и смех был классовым, и все человеческие чувства, эмоции и настроения, такие как любовь, гнев, ненависть, преданность, сострадание и прочее, могли выражаться только по-классовому.

Но в приказном порядке радоваться и сме-

яться невозможно. По своей природе карнавал всегда противостоял официальным праздникам – «официальный праздник изменял подлинной природе человеческой праздничности, искажал ее»⁵⁵. Смысл карнавала состоит в восстановлении подлинной природы человека, не изуродованной официозом. Согласно М.М. Бахтину, «карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов»⁵⁶. В комсомольском рождестве мы видим прямо противоположное: вторжение официально-регулятивного, властно-распорядительного, ограничивающего начала в сферу личных эмоций и переживаний, целенаправленно формируемых в соответствии с политическими задачами. Диктатура пролетариата стала диктатурой настроений. Планируемый карнавальский смех должен был укрепить власть. Но смеяться в пользу власти не хотелось. Люди понимали, что власть, призывая их посмеяться над религией, чего-то от них хочет. Нельзя сказать, что народная культура не знала смеха над религией, церковью, священниками. М.М. Бахтин отмечал, что в средние века «существовал особый, освященный традицией вольный «пасхальный смех»»⁵⁷. Народ смеялся над религией. Но это был его смех. Организованный же официальной властью смех был чужой. Это не был смех ради смеха. В нем не было веселья. Это был специальный смех, он имел цель. В нем не было искренности, непосредственности, радости. В нем была какая-то фальшь, что-то темное. М.М. Бахтин очень точно подметил: «Власть, насилие, авторитет никогда не говорят на языке смеха»⁵⁸. Официальный смех получился злобным, угрожающим, влекущим уничтожение. Он всеял страх.

Несмотря на противоречивый и неоднозначный опыт проведения антирелигиозных праздников, власть не отказалась от них в дальнейшем, однако использовала их уже не только для ведения узкой антицерковной борьбы, но и как основу для формирования новой бытовой культуры, призванной наполнить досуг более высоким содержанием. Однако попытки читать научные лекции полуграмотному населению во время религиозных праздников оказались не очень эффективными. Новая праздничная традиция сложится только в тридцатые годы и будет связана с появлением нового народного божества в образе Сталина. Тогда народ с энтузиазмом выйдет на демонстрации и понесет его портреты по площадям, а затем завершит праздник по старой народной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1975. Т.45. С.26.

² Там же.

- ³ *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. С.125.
- ⁴ Русское православие: веки истории М., 1989. С.695.
- ⁵ *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. С.125.
- ⁶ «Правда» от 15.11.1922 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Анти-религиозной комиссии). 1922-1929 гг. (сост. В.В. Лобанов). М., 2014. С.44.
- ¹³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф.53. Оп.1. Д.237. Л.34.
- ¹⁴ Там же. Л.34.
- ¹⁵ Там же. Л.2.
- ¹⁶ Там же. Л.34.
- ¹⁷ Там же. Л.34.
- ¹⁸ Там же. Л.34.
- ¹⁹ Там же. Л.34.
- ²⁰ Там же. Л.34.
- ²¹ Там же. Л.34.
- ²² Там же. Л.5.
- ²³ Там же. Л.12.
- ²⁴ Там же. Л.34.
- ²⁵ Там же. Л.34.
- ²⁶ Там же. Л.53.
- ²⁷ Там же. Л.35.
- ²⁸ Там же. Л.35.
- ²⁹ Там же. Л.35.
- ³⁰ Там же. Л.35.
- ³¹ Там же. Л.35.
- ³² Там же. Л.35.
- ³³ Там же. Л.35.
- ³⁴ Там же. Л.63.
- ³⁵ Там же. Л.67.
- ³⁶ Там же. Л.35.
- ³⁷ СОГАСПИ. Ф.53. Оп.1. Д.363. Л.127.
- ³⁸ Там же. Л.131.
- ³⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т.3. С.115.
- ⁴⁰ СОГАСПИ. Ф.53. Оп.1. Д.358. Л.8.
- ⁴¹ СОГАСПИ. Ф.53 Оп.1. Д.364. Л.25-26.
- ⁴² Там же. Л.25-26.
- ⁴³ Там же. Л.25-26.
- ⁴⁴ Там же. Л.25-26.
- ⁴⁵ Там же. Л.25-26.
- ⁴⁶ СОГАСПИ. Ф.53. Оп.1. Д.352. Л.7.
- ⁴⁷ Там же. Л.7.
- ⁴⁸ Там же. Л.7.
- ⁴⁹ Там же. Л.7.
- ⁵⁰ Там же. Л.7.
- ⁵¹ Там же. Л.7.
- ⁵² СОГАСПИ Ф.53. Оп.1. Д.364. Л.17.
- ⁵³ *Лихачев Д.С.* Избранные работы в 3 т. Л., 1987. Т.2. С.343.
- ⁵⁴ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. С.12.
- ⁵⁵ Там же. С.15.
- ⁵⁶ Там же. С.15.
- ⁵⁷ Там же. С.91.
- ⁵⁸ Там же. С.104.

**THE RED «KOM SOMOL CHRISTMAS»
AND THE PROBLEM OF CREATING A NEW LIFE-STYLE IN THE EARLY 1920s**

© 2015 S.A. Shmelev

Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara

The article is devoted to the experience of organization of the so-called «Komsomol Christmas» and «Komsomol Easter» as the main forms of anti-religious campaign of 1922-1923 aimed at overcoming the religious way of life and the formation of a new culture of daily life. The author reveals the role of the Communist Party and the Young Communist League as the initiators of the campaign; the interaction between the central and local Party and Komsomol organizations during preparation for the Komsomol Christmas and Komsomol Easter; the meaning, and the results of the campaign.

Key words: anti-religious campaign, Komsomol Christmas, Komsomol Easter, carnival, religious life, everyday life, atheistic propaganda.